

A glass vase filled with water and several small, delicate white flowers with thin green stems. The vase sits on a dark wooden surface. The background is a soft, out-of-focus blue and white bokeh. A circular icon with the text '12+' is in the top right corner.

12+

Широкова Виолетта

Лизонька

Виолетта Леонидовна Широкова Лизонька

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43616432

SelfPub; 2019

Аннотация

История из жизни соседей. Взаимоотношения. Жизненные наблюдения. С точки зрения ребенка.

Содержание

Лизонька. Часть 3. Мебель.	11
Лизонька. Часть 4. Витька Пудовкин.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лизонька. Часть 1. Дорогая женщина.

Умерла соседка. По старому дому.

Жили рядом много лет. Десятков лет.

Квартиры на одной лестничной площадке.

Дверь в дверь.

В старом городском центре.

Моя мама в этом доме выросла. И я родилась.

Потом разъехались все. Кто куда.

Виделись редко.

Больше созванивались. Поздравлялись.

По старой памяти. Не чужие же люди.

Остались на весь дом несколько стариков. Аборигены.

Уходящая натура.

И вот звонок. Ранний.

Тревожный. Как все ранние звонки.

Всё.

Умерла Лизонька. Отмучалась.

Лизонька была из тех самых аборигенов.

Она была всегда. Сколько себя помню.

1930 года рождения.

Получается что ей, без малого, 90 лет.

Сегодня и выяснилось. На похоронах.

Лизонька свой возраст скрывала. Всегда.

Молодилась. Кокетничала. Маскировала. Припудривала.

Боялась старости. Презирала немощь.

Мы все помним Лизоньку красивой и яркой.

Вальяжной и значимой.

Дорогая женщина. Достаток читался.

Модница.

Чалма на голове. Кудряшки. Перманент.

Панбархат.

Шелковые халаты.

Немецкая комбинация. С кружевом.

Воздушные пеньюары. Тапочки на каблукке. С пушком.

На каждом пальце по перстню.

Массивные. С рубинами.

Сережки кольцами до плеч. Золотые. Тяжелые.

Печатки и подвески.

Цепочки и браслеты.

Часики и кулоны.

Лаковые сумочки-ридикюли. Туфли на платформе.

Сапожки и кепи. Шубы и шапки. Дубленки.

Мохеровые шарфы. Шали с люрексом.

Тушь, помада и духи.

Ну и конечно же, золотые зубы. Коронки.

Все это появлялось у Лизоньки одной из первых.

В городе.

Лизонька была директором центрального универмага.

Торговым работником. Советским.

Зимой она угощала нас апельсинами.

Яркие фрукты. Оранжевые. Нереальные.

Приносила в авоське.

Запросто. Несколько килограмм.

Потом бананами.

Редкими и экзотичными.

Мы послушно ели. Недоумевали.

Зеленые. Твердые. Пресные. Странные.

Мыльные какие-то.

Как их только негры в Африке едят? Каждый день?

Шоколад, чай и кофе перепали нам по-соседски. По дружбе.

На самом деле за услуги.

Мы были единственными хранителями ключей от Лизонькиной квартиры.

Открывали и закрывали ее, когда приезжали водители и курьеры. Выгружали. И загрузили.

Передавали и принимали.

Лизонька нам доверяла.

Мы с сестрой, как бешеные муравьи, таскали на этаж пакеты и свертки.

Коробки. Большие и маленькие. Помогали.

Лизонька была родом из деревни.

Маленькой. Далекой. Сибирской.

Рыбацкой. На берегу реки. На 20 дворов.

В городе пообтерлась. Обосновалась. Освоилась. Прижилась.

Но простые блюда из рациона не исключила.

Капустку квашеную. Картошечку жареную. На сале. Со

шкварками. Селедочку с лучком.

Блаженство. Запахи плыли по подъезду.

Горячую сковородку с картошкой снимала с огня, используя вместо прихватки, подол дорогого платья.

Из панбархата.

Долго не раздумывая. По-деревенски.

Лизонька. Часть 2. Закрома Родины.

В квартире у Лизоньки все соответствовало.

Статусу.

Ковры. В каждой комнате. На полу. На стенах.

И даже в прихожей.

Сервизы. Чайные. Кофейные. Столовые.

Мадонна. Бензиновые разводы и позолота.

Миниатюрные кофейные пары.

Как игрушечные.

Тончайший фарфор.

Костяной. Невесомый. Прозрачный. Дорогой.

За стеклом сервантов.

Горки. Фигурки. Статуэтки.

Хрусталь. Богемский.

Нарезка «звездочка». Ручная работа.

Недолюбливала Лизонька штамповку.

Лодочки и лотосы. Конфетницы и салатницы-ладьи.

Графины и фужеры. Штофы и стопки.

Цветочные вазы всех размеров. Пусть будут.

И даже огромная хрустальная крюшонница.

Средних размеров таз.

Из хрусталя. Чешского.

Вряд ли кто-либо использовал эту крышонницу по назначению.

С самого момента приобретения.

Лизонька уважала напитки простые, понятные.

Отечественные.

Весь хрусталь, как детские песочные формочки, друг в друге.

Для экономии места.

Мельхиоровые ложки с позолотой. Наборами.

Шкафы с постельным бельем. В упаковках.

Платяные шкафы с одеждой.

С бирками и этикетками.

Плотно забитые.

Холодильник и морозильная камера были полны продуктов.

Ломились дефицитом.

Сыры и колбасы. Масло.

Ветчина и все виды мяса. Икра.

Творог и сметана. Фрукты. Конфитюры.

И, смешно сказать, шпроты.

В длинных банках.

Ждали своего часа. Гостя.

В баре – коньяк. И водочка.

И бальзам. Рижский. Для здоровья.

Конфеты и шоколад.

Арахис в белой глазури. В хрустальной корзинке.

Все дорого-богато. Шикарно.

Телевизор! Сначала черно-белый. А потом и цветной.

Телевизор на кухне. Маленький. В красном корпусе.

И проигрыватель у Лизоньки имелся. И магнитофон.

Большие пластинки. Яркие футляры.

Непонятные слова. Иностранные.

Все такое нереальное. Заграничное. Чужое. Манящее.

Высоцкого впервые мы слышали тоже у Лизоньки.

Из динамика бобинного магнитофона.

Дети. Что мы вообще могли понять из его талантливой поэзии?

Уловить, услышать в этом надрыве?

В мятежных, тайных, взрослых стихах?

Осмыслить в рваных, как выстрелы, рифмах.

Через шуршание многоцветной записи. Через дефекты пленки.

Но ритм, накал, хриплый голос, нас завораживали.

Мы молча слушали. Как откровения.

До сих пор помню все эти тексты наизусть.

С первых аккордов узнаю любую его песню.

Вряд ли Лизонька вникала в подтексты, двойное дно, смыслы творчества барда.

Ее радовал сам факт наличия магнитофона. Модной новинки.

Всеобщих восторгов.

И запрещенного Высоцкого.

Для монументального магнитофона был выделен столик.

С салфеткой. Кружевной.

На нем он и красовался. Как патефон, у купцов.

Лизонька. Часть 3. Мебель.

Самой неотразимой была мебель.

Произведение мастеров страны соцлагеря.

Венец творенья!

Темный орех. Натуральный шпон.

Завитушки и молдинги.

Жилая комната и спальня. Прихожая и кабинет.

Все в едином стиле.

По всей квартире. Красота!

«А вот и мои мебельЯ! ГДР! 39 предметов!» – сообщала

гордая Лизонька.

Мебеля произносилось со значением. С ударением на последний слог.

И «тридцатьдевятьпредметов» прямо выпевалось ею.

Деревня выпирала из Лизоньки.

Кичилась и хвасталась. Беззастенчиво.

Разводила широко руками.

Самоутверждалась перед посетителем.

Проводила экскурсию по квартире.

Ах!

Экскурсанты замирали от восторга!

Сразу чувствовали слабость в ногах.

Лизонька самодовольно улыбалась.

Письменный стол и кресло. Обеденный стол. Раздвижной.

Шесть стульев. Причудливые ножки.

Пуфики, банкетки, комоды. Столики и тумбочки.

Кровать и прикроватная скамья.

Софа.

Низкая табуреточка под ноги. Лизонькины. Уставшие.

Такая миленькая! На трех тонких ножках.

На диване – небрежно брошенный белый плед, с длинным ворсом. Эффектно.

Видимо, идея была подсмотрена в болгарском интерьерном журнале «Наш дом».

Красочном. Стильном. Инопланетном.

Взята на вооружение.

У каждой тумбочки и шкафчика – свой ключик.

Витой. Желтого металла.

Как Золотой ключик, открывающий заветные двери в другую, красивую жизнь.

Райскую. Сытую.

Торшеры и бра. Люстры и абажуры.

Книжные шкафы ломились книгами. Разноцветные, золоченые корешки.

Подписные издания.

Ни разу не видели Лизоньку читающей. Или чтобы с книгой.

Но библиотека у нее была шикарная.

Грамотно составленная и подобранная.

Оставленные на столике журналы были.

Как бы случайно раскрыты на самой красивой картинке.
А вот книг – не было.
А может и правда читала этот журнальчик.
На досуге. Без свидетелей.
Просматривала. Вальяжно и ленивенько.
В шкафах пониже – стопки журналов.
Модных. Западных. С цветными иллюстрациями.
Про рукоделие.
С выкройками. Чертежами и схемами.
За рукоделием Лизоньку тоже никто и никогда не видел.
Но журналы лежали высокой стопкой. Копились.
Все такое нереальное. Такое несоветское.
Недоступное. Дефицитное.
Фантастика.

Лизонька. Часть 4. Витька Пудовкин.

Вообще-то полное имя у Лизоньки было
Пудовкина Елизавета Игнатьевна.

Так значилось на табличке. На двери ее кабинета.
И в паспорте.

Фамилия была чужая. Смешная. Первого мужа.
Ее Лизонька не любила. Но прославляла.

Мужа уже не было. А фамилия была.
Замужем Лизонька была ровно год.

Давно.

И ей хватило.

В сибирской глубинке особо выбора женихов не было.
Послевоенные годы.

А Витька Пудовкин был чуть постарше.
Опытнее. Проявлял настойчивость.

Свистел под окнами.

Активно окучивал. Прижимал жарко.

Губами впивался. Целовал.

Витя всегда был парнем дерзким. Задиристым. Неуправляемым.

Пьющим. Хронически.

С дрянной генетикой. Невзрачной внешностью. Впалой

грудью.

Крикливый. Нахрапистый.

Подвывих.

С детства дегустировал самогон, как сомелье. Знаток.

Давал свое заключение.

Критические замечания. По качеству и крепости напитка.

Сначала родителям.

Потом всем прочим умельцам в округе. Так и втянулся.

Когда напивался, себя не помнил. Был агрессивным.

Лез в окна. Дрался. Со всеми. Без разбора.

Витькины родители не знали, куда его сбегать.

Ирода.

Советовали податься в город. За 1000 верст от них.

На заработки. Подальше. Выталкивали.

Соседи жаловались. Старики крестились.

Все прочие с дороги убирались. Подобрю – поздорову.

Переходили на другую сторону единственной в поселке
улицы.

Прятались. Избегали.

Витька брызгал гормонами. Слонялся от безделья по по-
селку.

Безобразил. Цеплялся.

Опасный он был. Непредсказуемый.

Этим Лизоньку и привлек. Очаровал.

Заневестилась. Бегала мимо. Стреляла глазами.

Пала под его напором. Натиском.

Шептал опять же. Обещал.

Слова разные. Красивые. Нежные.

Томилась девушка. Млела.

Вылазила через окно. К утру возвращалась.

Замуж мечталось. Не терпелось.

Уговорил.

Когда забеременела. Испугалась. Плакала, конечно.

Витька жениться не отказывался.

Хотелось ему быть семейным человеком.

Степнным.

Сразу поводов столько. Выпить.

Призналась родителям.

Собрали семейный совет.

Брат приехал. Старшая, замужняя сестра прибежала.

Собрались за столом.

Лизоньку отгородили от докладчиков занавеской.

За печкой. Без права голоса.

Все понимали, Витька – парень проблемный, пьющий, драчливый, в семью войдет, помощником по хозяйству не станет, а навалить по-пьяни может.

Всем. Запросто.

Или убьет. В угаре. По дури.

Как такому ухарю дочь отдавать?

Как с таким сладить?

Сидели. Печалились. Прикидывали.

Пытались уговорить дочь на аборт. Чтоб не затягивать.

И в райцентр – учиться. Подальше от Витьки.

В разгар прений и дебатов, Лизонька отдернула занавеску, вышла к столу и заявила решительно: «Говорите, что хотите! А замуж за Витьку я всё равно выйду! Люблю его!»

И кулаком по столу. Бац!

Что тут сказать.... Родители развели руками.

Смирились.

Вышла... Даже свадьба была.

Витька не просыхал. Избивал беременную жену.

Бил зло. Как мужика. Чужого. В кровавой, жестокой, уличной драке.

Сломал ребра, нос. Пробил голову.

Ударом кулака выбил зубы. Передние.

Бил в грудь. Пинал в живот.

Уже лежащую. Уплывшую.

Ребенка Лизонька потеряла.

У Витьки появился новый повод выпить. С горя. Сына потерял.

Там же в райцентре, после выздоровления, подала документы на развод и в торговый техникум.

Замужем побывала.

Теперь решила учиться.

Детей у Лизоньки больше не было.

Чужих она не хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.